

УДК 17.023.2

П. Курхинен

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТИННАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ОЛЕГА ДРОБНИЦКОГО

Представлены основные моменты философии Олега Дробницкого, в том числе каким образом философию диалектического материализма можно дополнить кантианскими воззрениями, если возможно. Ставится вопрос о взаимосвязи уничтожения частной собственности и одновременно «истинной эмансипации», т.е. сохранения при этом морального долга и нравственности.

Ключевые слова: истинная эмансипация, нравственность, диамат, должное и сущее.

1. Исторический экскурс зарождения советской этики

В начале работы целесообразно дать краткое описание того, как зарождалась советская этическая мысль, какой была советская философия до начала 1960-х гг. «Хрущевская оттепель» вызвала «весну» не только в политике, экономике и других сферах общественной жизни, но также повлияла и на советскую этику.

Хотя зачастую этика и в имперской России подвергалась преследованиям, но все же имела своих известнейших представителей – этиков с мировым именем, например *Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев*. После 1917 г. этическая мысль погрузилась в некоторое «забвение» на фоне доминирования в философии того времени исторического и диалектического материализма (далее сокращенно – истмат и диамат). При всей критике всеми «истоптанных» сегодня диамата и истмата, важно помнить, что у этих направлений есть свои интересные и даже прогрессивные аспекты. Хочется лишь дополнить что-то новое и уже, к сожалению, забытое, что родилось примерно в 1960-е гг. в Советском Союзе и могло бы и может сильно изменить философию и политику сегодняшней России. Философия диалектического материализма создала, при всей ее сегодняшней критике и со своими погрешностями (связанными с догматизмом диамата), свою специфичную онтологическую систему.

Целью статьи является философский анализ моральной философии Олега Дробницкого. Для этого попытаемся решить следующие задачи:

– определить, чем была особенно специфична советская этика и как она зародилась на фоне жесткого давления ленинско-сталинского механического детерминизма;

– что *als ob* (как бы) упустила советская форма марксизма в своем стремлении к освобожденному человеку и почему категорический императив стал опять выходить на арену философского дискурса.

В 1960-е гг. этическая мысль начала снова обретать свою новую силу после завершения периода редукции диаматом нравственных поступков просто к каким-то когнитивным функциям, не отделявшимся от детерминирован-

ных, предопределявшихся социальными отношениями или решениями «сверху». Такое устаревшее обоснование диамата и политической идеологии уже не могло удовлетворить «закрепившееся» и «научно развитое» сознание советского гражданина (и прежде всего философов того времени).

Теория об обусловленности рефлексов, развитая психо-физиологом с мировым именем *И.В. Павловым*, а также традиция русского ученого *И.М. Сеченова* были буквально применены и в этическом проступании. Из любого человека с помощью обусловленных рефлексов можно было «слепить» кого угодно, и даже этически «правильно» поступающего в моральном акте человека «нового общества», сознание которого было бы предопределено общественным сознанием.

Советская философия и этика были построены на своего рода *радикальном* идеологическом марксизме. И все же даже *Маркс* не призывал открыто к тому радикальному повороту в истории, который произошел больше по вине «террористически» настроенных революционеров, таких как *Вера Засулич*, которая по-своему интерпретировала ответ Маркса о необходимости революции в России [1. С. 72].

К чему, в конечном счете, стремился Маркс с помощью своей философской доктрины? Дело его жизни можно суммировать в выражении *эмансипация человека*. Философское и политико-экономическое развитие мысли Маркса движется под знаком различия между действительным, но не достаточным *буржуазным* освобождением и истинно *человеческим* освобождением, которое еще только должно осуществиться.

«Как ранний, так и поздний Маркс видел революцию как что-то большее, чем просто захват политической власти определенным классом или партией; эта революция должна была привести (как он говорит во «Введении в “Критику политической экономии”», 1857–1858) к «абсолютной власти человека над силами природы; как над так называемой (естественной) природой, так и над его собственной природой. Ее целью было «целостное развитие всех созидательных способностей» человека и «прогресс всех человеческих сил «как цели самой по себе» [2. С. 204].

Вкратце, марксистской революции суждено было привести к полному развитию всех производственных сил, к реинтеграции отчужденных и угнетенных «неотъемлемых сил человека» ввиду его полного обновления.

Не останавливаясь более на теории Маркса, заметим, что способ мышления, использованный не мыслителем, а уже поборниками диалектического материализма, исключает не только *моральный долг*, основанный на нравственных законах человеческой природы, но и *моральную добродетель* как чисто личностное качество. Нравственность в диалектическом материализме является просто-напросто *когнитивной формой*, которая служит для выражения соответствующего ей уровня развития социальных противоречий. Любая моральная критика постоянного отчуждения основана на определенных установках интересов внутри изменений частной собственности.

Покуда преобладает последняя, человеческое освобождение невозможно. Истинно человеческая деятельность пока все еще невозможна. Это исключает какую-либо возможность этики как науки объяснения моральных добродетелей. Этика сводится в диалектическом материализме к объяснению различ-

ных ценностных позиций существующих антагонистических классов. Стоит дополнить, что на переломе столетия «этический социализм» вывел на поверхность сомнение, являются ли экономические «изменения в частной собственности» достаточными для обоснования нравственных ценностей и идеала социализма, другими словами, свободное развитие каждого человека в конкретном обществе. По нашему мнению, хочется поставить вопрос: можно ли философскую этику заменить историческим материализмом? Следующим ходом официальной советской философии или диалектического материализма было «насаждение» морали, вернее внедрение ее в массы, особенно в те массы, которые «недопонимали» или у них происходила некая аберрация (отклонение) от «правильного» поведения, которое *als ob* было предопределено исторически. Индивид просто не понимал своей «выгоды» и «пользы», когда не действовал исходя из устоев общественных и экономическим отношений класса пролетариата.

В связи с этим «моральный кодекс», обнародованный в 1961 г. компартией, должен был предопределить нравственность человека, обусловленную коллективизмом. Индивидуальные частные ценности объявлялись буржуазными, и сама *аксиология* как раздел буржуазной этики объявлялась противоречащей царившей тогда ленинско-сталинской философии механистического детерминизма.

Аксиология, исходя из концепции истмата, занималась индивидуальным сознанием, которое не было предопределено ни исторически, ни классово, ни социально, а больше оперировало «экзистенцией и трансцендентальными так называемыми высокими понятиями», где моральный долг индивида противоречил, в некотором смысле, коллективному сознанию.

Кажется актуальным пересмотр некоторых позиций советской философии, которые также причисляют к традиционной ее части, бывшей лишь некой «служанкой» тогдашней идеологии. Вот и «ангельский доктор» Фома Аквинский тоже думал, что служит лишь идеям церкви, тогда как, того не ведая, заложил основы математического естествознания современной науки. Это подкрепление диамата новыми пониманиями в советской этической мысли было схоже с оригинальными попытками схоластов, например того же Фомы Аквинского, который с помощью своих логических умозаключений пытался доказывать существование бога, хотя в конечном итоге эти ученые мужи уходили от первоначальных доктрин святой церкви. В связи с этим известнейшего этика советского периода Олега Дробницкого можно считать весьма «еретичным» по отношению к «онтологической» линии официальной советской философии. «Советская философия очень хорошо была известна и на Западе как философия некоего «марксистско-ленинского онтологизма», «хотя *измы* всегда есть принятие на веру, закрепленные догмы. Через напоминающую схоластику *онтологию* советский марксизм оправдывал истмат и диамат и ушел тем самым далеко от своего идейного наставника Маркса [2. С. 74].

Бытие социалистического общества пытались оправдать через некие подмены понятий, через догмы. Как и Хайдеггер в свое время «не был против фашистского национал-социализма», но его, безусловно, безумно было бы назвать приспешником нацизма, так и советских философов – «истинными служителями коммунистической идеологии». Философы, как и все люди, жи-

ли в том времени и были частью той системы, которая их породила. Послесталинскую оттепель можно даже назвать неким кантианским и экзистенциальным поворотом в советской философии и этике в частности.

Многим партийным работникам и философам стало понятно, что диктата и заветов коммунизма о всеобщности и общественной морали уже просто-напросто будет не хватать. Сама концепция морали строителя коммунизма замыкалась на самой себе и исходила из своих первичных догматических установок. Нужна была новая философская доктрина, которая могла бы подкреплять и дополнять идеологию истмата. Поэтому, хотя многие философы (в том числе О. Дробницкий) исходили уже из предзаданности того, что исторический материализм уже есть некая точка опоры, под которую нужно подвести философскую основу. При этом они уже довольно далеко стали уходить от «истинного истмата». В конечном итоге сложно сказать, можно ли считать того же Дробницкого догматиком советской философии или все же он не до конца принимал советскую власть и официальную «онтологическую мысль», но всем понятно, что сильно «заблуждаться» в то время было нельзя.

Олег Дробницкий (1933–1973), молодой преподаватель Московского университета, работающей в Институте диалектического материализма Академии наук, был одним из немногих действительно разбиравшихся в философии этиков и не был заиклен на догматике. Он участвовал в международных конференциях, например с учеными из Британии по вопросам аксиологии. Там о нем отзывались очень положительно, в том числе и английский этик школы *этического прескривизма* Хэар Ричард Мервин (р. 1919). (Дискуссия по проблеме этики между советскими и британскими философами. Вопросы философии. 1969. № 2. С. 143–147). Сам Дробницкий пытался не приходить к конечной концепции морали и уйти от тавтологии в ее определении через другие понятия морали. Так как если мы *als ob* придем к тому, что есть мораль, а бытие и становление морали бесконечно и при этом еще станем ее применять на практике (а *praxis*, стоит заметить, был наиважнейшим понятием в истмате), то круг замкнется, и мы придем опять к укреплению идеологии.

По нашему мнению, это не было самоцелью Дробницкого, хотя, к сожалению, многие как западные, так и российские ученые обвиняют в этом философию О.Г. Дробницкого. «Характерно, что О.Г. Дробницкий, развивавший кантианский вариант именно марксистской теории морали, развернув в «Понятии морали» беспрецедентное рассуждение об универсальности морального требования, посчитал необходимым дополнить его комментариями о классовом характере моральных воззрений, руководствуясь отнюдь не соображениями идеологической дисциплины, но стремлением к строгости и целостности теоретического анализа» [3. С. 3].

Олег Григорьевич хотел сделать философию более «научной», да и сам критерий научности в СССР был наиважнейшим фактором. Единственно, что проблему аксиологии в марксизме хотели решить с помощью социологии, в том числе и Дробницкий; лишь она, по их мнению, могла поставить обоснование моральных ценностей на научный уровень. Существовала гипотеза А.А.Зиновьева о *homo sovieticus*, в соответствии с которой советский человек является тем новым типом человека, на создание которого была нацелена образовательная программа коммунистов. В этой культуре было много поло-

жительного: человек, хоть и не всегда, но был освобожден от частной собственности, было легкодоступное образование; люди стремились к чему-то другому, не были зависимы от материальных ценностей. Даже нравственность, моральные действия сводились к тому, что образованный, освобожденный человек будет поступать на благо обществу, «так как оно желает лучшего для него».

Возникает вопрос: связано ли действительно человеческое освобожденное бытие с уничтожением частной собственности? Как показала практика, как в советском, так и западном обществе эти явления не связаны друг с другом. Человеческая свобода остается зачастую делом каждого индивида, его внутреннего метафизического Я, и ни частная собственность, ни наставления «партии» как законодателя общественной морали не могут повлиять на настоящее духовное освобождение. Даже насаждение «сверху» того, как себя вести, не поможет. Никто не может запрограммировать человека – внутренне он останется свободным.

Все же советское общество сделало решительную попытку на пути освобождения человека, причем без опыта советской системы вряд ли мир переоценил бы свои координаты морали. Согласно исследованиям, в СССР утвердился так называемый радикальный марксизм, тогда как в Западной Европе – умеренный. Поэтому, даже оставаясь капиталистическими странами, страны Западной Европы пересмотрели свою социальную политику, и их усилия были направлены на преодоление того отчуждения в обществе, которое неизменно ведет к революции (чего западное общество, конечно, не желало) [1].

Надо заметить, что как в западном, так и в российском философско-политическом поле проблема *отчуждения* на сегодняшний день осталась на том же самом уровне. Сейчас это, главным образом, отчуждение населения и бюрократии: человек становится винтиком в любой государственной системе, где все делается *формально* и «эффективно», но для самого индивида, персоны, человека нет места. Даже от философов требуют эффекта: больше книг, больше решений, практики, в конце концов. Но можно написать один гениальный труд, и его будут читать годами, а можно «эффективно и быстро» сотню, и они не будут нужны никому. Можно принять решение, обязывающее философию стать придатком политических (заметим – зачастую «эффективных» лишь на данный момент времени) решений, а можно осмыслить как материалистическую, так и метафизическую сторону дела, причем не в статике, а в динамике на длительный период развития общества. Философия может перестать быть философией, если станет практическим пособием для подкрепления морали какой угодно идеологической доктрины; особенно эту грань надо четко соблюдать в области прикладной философии.

II. Освобожденный труд не гарантирует действительного освобождения и «зарождения» новой нравственности

Диамат не учел более точную трактовку марксизма в том, что *эмансипация* человека не может быть осуществлена полностью лишь с уничтожением *классового различия*, а только комплексно через как полное уничтожение частной собственности, так и моральное и духовное освобождение, в котором есть место и для духовного обновления. Притом уже на основании опыта Со-

ветского Союза можно сказать, что уничтожение частной собственности совсем не гарантировало человеку свободу и отсутствие отчуждения от продуктов своего производства. К сожалению, диктат сверху и «наставление правильной морали» привели к закабалению человека, и его нравственность стала лишь неким сводом правил. «Либеральное» и «демократическое» западное общество всегда пользовалось двойными стандартами. И то, что на деле провозглашается демократическим, может быть лишь некой закамouflированной доктриной общества потребления.

По сути, мы в нашем мировом обществе не ушли ни от тех проблем, о которых говорили О.Г. Дробницкий, советский этик Г.Д. Бандзеладзе (1927–1985) и кантианец Я.А. Мильнер-Иринин (1911–1989). Интересно, что новая советская этика представляет особый интерес, так как она выросла на поле диамата, «проросла» сквозь него; она вышла из *сведения* этической мысли к *рефлексивному* уровню сознания и какому-то просто эстетическому пониманию, хотя и ее значение нельзя приуменьшать. Решение моральных задач в поле дискурса диамата совершенно иное, чем в поле аналитической англо-американской философской традиции.

Проблема, рассматриваемая Дробницким, актуальна до сих пор – это проблема *должного* и *сущего*, а также и существования – в том, что вроде как и надо жить по устоям общества, но если это «загнившее от бюрократии общество» не хочет меняться, то что делать? [4. С. 7].

Точка отсчета у Дробницкого – вопрос относительно того, как общественные отношения могут быть морально раскритикованы (если могут быть), на чем Маркс так настаивает в своей «Критике политической экономии». Введение юридических, моральных и философских понятий суть формы сознательного выражения управляющих способов производства материальной жизнью общества. Критический анализ был бы возможен, только если у кого-либо был критерий, который превысил бы существующую социальную действительность. «Первая попытка решения этой проблемы Дробницким в концепте «революционной практики» приводит его к утверждению *независимости* нравственного долга от любого *индивидуального* человеческого авторитета. На это понимание сущей необходимости этического императива по отношению к человеческому законодательству, вероятнее всего, повлияла моральная философия Канта» [2. С. 213].

Эти идеи были сначала выражены Дробницким в 1968 г. и далее развиты им в 1971 и 1972 гг.: «Каждый раз нравственное суждение, выраженное от имени некоего социального авторитета (или против него самого), действительно авторитетное основание этого, оказывается более отдаленным предметом, который превышает пределы судящего человека, группы, класса, или даже общества, существующего в то время» [2. С. 211].

Окончательный характер этого основания в человечестве отличает этический императив от обязательных установок закона и политики, связующая сила которой возвращается к некоторым социальным или институциональным субъектам, а также имеет связь с традициями и константами в психологии. Таким образом, этический императив не может быть сведен как в общепринятом мнении других марксистских этиков, к коллективной силе общественных потребностей и общественного мнения. Напротив, замечает Дроб-

ницкий, «это общественное мнение, которое должно выдержать испытание нравственности». Это также связано лишь с ее объективной нравственностью, справедливостью. «Поэтому кто-либо может быть прав даже тогда, когда кто-то нарушает общепризнанные нормы, и можно быть виновным даже если учитывать диктатуру существующего порядка» [2. С. 213].

Такие заявления имеют очевидное значение для политики, а также сопрягаются с центральной марксистской категорией практики.

III. Актуальность философии Дробницкого и сегодняшние морально-политические системы

На данный момент Россия переживает период некоего психологического перелома морального сознания. Согласно гегельянской традиции, моральное сознание должно перейти на новый виток развития, при этом фактор как историзма (формации общества *versus* кантианский императив всеобщности), так и субъективного личностно-экзистенциального момента приуменьшать нельзя. Дробницкого зачастую считали и в Советском Союзе, и на Западе приверженцем кантианской философии. Он попытался синтезировать моменты кантианской трансцендентальной философии, а также исторического материализма, притом не только «критикуя» (когда занимаются подменой и путаницей понятий, то есть «марксистско-ленинской» эклектикой), но сделал скрупулезную разборку понятия морали [5].

В некотором смысле наше исследование косвенно затрагивает также проблему того, являются чистая философия и этика как наука о предмете морали одним предметом либо это совсем разные сферы. Философ попытался в ракурсе марксистской философии решить проблему *должного* и *сущего*, его попытка представляет интерес, как некая контрверза «гильотины» Юма. Напомним, что, согласно юмовской традиции, то, что *есть*, не в обязательном порядке должно и *быть*, т.е. из дескриптивных (описательных) выражений не могут в обязательном порядке выходить прескриптивные (предписывающие) положения; в морали он решает вопрос с помощью понятия *нравственности*, исходящей из некоего генезиса истории философии. Каким образом пытается решить эту проблему Олег Григорьевич? Почему вообще для Дробницкого насущной является тема морального сознания?

По-видимому, философ понимал, что идет *кардинальная смена* в жизни советского общества, и даже не смена жизни, а сознания. Сознание, и выходящее из него моральное поведение, и этический акт не могли быть достаточными в механистическом детерминизме. По нашему мнению, О.Г. Дробницкий был аналитиком развития теории морали с точки зрения «марксистской философии» (а исходить из нее было необходимо). Он все же усматривал некоторые закономерности в развитии морального сознания как западного, так и советского человека. «Моральное сознание как индивида, так и общества не должно быть затуманено «вечными идеями» либо идеологически догмами застойного (капиталистического) общества потребления [6. С. 45].

По сути, хотя философия Олега Григорьевича и критиковала западные концепции, она одновременно исходила и базировалась на западных концепциях, так что чисто своей «философской почвы» у советской философии не было. Критику Дробницкого можно одновременно отследить и на идеологи-

ческом поле советского общества. Моральное суждение высказывается «от имени человечества», в том числе и вопреки мнению *большинства* или столкновению идеологий, замечает Дробницкий [7]. По сути, он приходит к кантовскому пониманию «долга ради долга, а не ради какой-либо выгоды и т.д.» Его понимание диалектического материализма не противопоставляется экзистенции и сущности человека, хотя Дробницкий всячески подчеркивает важность истории, родового и классового развития, общественной морали в понимании человека [8. С. 25].

Исходя из философии Дробницкого, человек лишь полагает, что делает что-то свободно, на самом же деле над ним довлеет дух истории. И все же личность имеет свободу воли и выбора, она может пойти наперекор установленным правилам, если эти правила уже противопоставляются моральным правилам внутри нас. Все же, как и у Канта, мы должны поступать соответственно моральным правилам, так чтобы наш внутренний закон становился универсальным, всеобщим законом для всех. Дробницкий подчеркивал *неинституциональность* морального поступка, вернее то, что в идеальном состоянии нельзя зафиксировать, определить моральный поступок до конца, так как если мы фиксируем что-то, то мы уже делаем догму из этого. Поэтому, хотя Дробницкий и пытался уйти от тавтологии, от обыденного понимания морали и прийти к какому-то научному, можно сказать, социологическому пониманию морали и ценностей, все же он не определял мораль как какое-либо закрепленное понятие, что зачастую требовали, к сожалению, постулаты диамата.

В конце своей книги «Понятие морали» он недвусмысленно замечает: «Единственное, что мы можем сделать, так это пытаться все время анализировать, что есть мораль, через изучение исторических времен, сам анализ понятия морали и есть некое определение сущности морали» [7. С. 375]. Эта книга была переведена на многие языки в 1970-е гг., особенно тогда, когда происходил подъем социал-демократии в некоторых странах Европы. Это связано еще и с тем, что Советский Союз все-таки был неким идеалом, в то время еще не было развитой социальной системы в таких странах, как, например, Финляндия, Франция, Голландия, где нужно было платить за все, и капитализм там еще был в те годы далек от «человеческого лица». Вероятно, Советский Союз довольно сильно «разбавлял» идеологию «*либертаризма*». Онтология диамата очень сильно повлияла и на западное мировоззрение, хотя усмотреть эту зависимость сразу нелегко: западный человек видел не во всем позитивную, но другую альтернативную *бытийность* и *экзистенцию* человека, ранее не существовавшую в «западном» мире. К сожалению, Запад не очень хотел понимать преимущества диамата, так же как и аналитическую и континентальную философскую традицию в Советском Союзе воспринимать не собирались. На наш взгляд, философия не должна быть в каких-то узких национальных, континентальных рамках или политических, она «должна» быть, исходя из положений Канта и того же Дробницкого (как одного из его «последователей» Канта), – космополитической.

Обобщая мысль Дробницкого, можно сказать, что понимание взаимосвязей развития истории и создание предпосылок развития согласно с ними является наивысшей обязанностью человека. Исходя из этого, этику

можно вывести из истории общественных формаций. Для понимания существа этого решения имеет смысл снова обратиться к своеобразию понимания *проблемы сущего – должного*, сложившегося в советской марксистской этике, в частности в концепции О.Г. Дробницкого. Как уже отмечалось, в силу ориентации советской философии на научность, эта дилемма рассматривалась в рационально-целесообразной форме. О.Г. Дробницкий интерпретирует должное как выражение неудовлетворенности человека существующим социальным и нравственным порядком, сложившимися в ходе исторического развития нормами поведения. Последнее трактуется им как обычай, общепринятая форма поведения, в рамках которой осуществляются *фактические* действия людей. А нравственное долженствование есть субъективно-эмоциональная реакция на них человека. В этом, с точки зрения О.Г. Дробницкого, и заключается источник происхождения проблемы сущего – должного [7].

Все же философа нельзя назвать ортодоксальным последователем механистически-детерминированного диамата и следовавшей из него «моральной догматики». Возможно, он понимал, что такой диамат, который занимается онтологизацией, подводя философскую основу для обоснования идеологии, является эклектикой и это ведет к самоуничтожению диамата. Поэтому разработка «нового» диамата, учитывающего и мнение субъекта, и моральный долг индивида, могла бы и сейчас послужить зарождению нового миропонимания как в России, так и во всем космополитическом пространстве.

В заключение хочется подвести итог словами *Петера Элена*: советская этическая мысль выбралась из так называемой «ловушки» утилитаризма, которую расставил в философии и одновременно самому себе ортодоксальный диамат, и роль этиков-первопроходцев (таких как Дробницкий, Мильнер-Иринин, Бандзеладзе и др.) значительна [2]. Самое простое определение утилитаризма, как всем известно, гласит, что нужно совершать поступки, приносящие максимальное количество выгоды наибольшему количеству людей. И это, в принципе, весьма приемлемая формула, так как, к сожалению, в обществе, как правило, очень сложно прийти к какому-то консенсусу, удовлетворяющему всех и вся. Аксиома, которая применялась в истмате (цель оправдывает средства, не важно, какими методами), была обречена на гибель изначально, и поэтому никакой террор и насилие, насаждение морали извне оправдать нельзя. Поэтому советским этикам нужно было выходить из этой ловушки, которая сама по себе вела к гибели революционных идеалов, как бы красиво их лозунги ни звучали. Это наглядно можно проследить на примере французской революции. И нам кажется, что именно это привело Дробницкого и других советских философов к тем старым, забытым при диамате формулам категорического императива, где трансценденции человека, индивиду и его поступку опять отводилось особое место в истории человеческого развития.

Литература

1. *Oittinen Vesa*. Marx ja Venäjä: Aleksanteri Papers. Helsinki 1/2006. 208 S. [Ойттинен Веса. Маркс и Россия: Александровские публикации. Хельсинки 1/2006. 208 с.]
2. *Ehlen Peter*. Emancipation Through Morality: New Paths of Ethical Thought in the Soviet

Union. Studies in Soviet Thought. 1973. № 13. Issue 3–4. P. 203–217. [*Элен Петер*. Освобождение через нравственность: Новые пути этической мысли в Советском Союзе. Исследования советской мысли. 1973. С. 203–217].

3. *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии, 2006, № 5. С. 3–17.

4. *Дробницкий О.Г.* Природа морального сознания // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 26–28.

5. *Marejev Sergei.* Diamatista ja mahdollisuudesta syöstä keisari valtaistuimeltaan, N & N filosofinen aikakasilehti № 5 kevät I/ 2008. S. 70–76 [*Мареев Сергей*. О диамате и возможности сбросить царя с престола // Философский журнал Н & Н. 2008. № 5. Весна I. С. 70–76].

6. *Дробницкий О.Г.* (совместно с *Т.А. Кузьминой*). Критика современных буржуазных этических концепций. М.: Высшая школа, 1967. 383 с.

7. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. М.: Наука, 1974. 388 с.

8. *Дробницкий О.Г.* Кант – этик и моралист // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 141–153.

9. *Дробницкий О.Г.* Моральная философия: М.: Гардарики, 2002. 523 с.

10. *Дробницкий О.Г.* Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 357 с.